«Спасибо за покупки! Приходите еще!»

Был еще вечер, когда их поход помагазинам закончился и владелец магазина провожал их. В этот момент они могли пойти домой, но Гилберт передумал, когда Вайолет остановилась, чтобы наблюдать за дорогой, сверкающей фонарями.

«Как будто звезды спустились на землю».

Поскольку они уже были там, он решил осмотреть вечернюю часть города. Сначала они пошли к ларькам с напитками. Ликероводочные заведения со спиртом, собранным из всевозможных мест и продовольственные тележки, с жареным мясом и жареным картофелем, привлекали покупателей со всего мира своими восхитительными запахами. Некоторые, которые казались уже захмелевшими, весело пели. Группа играла импровизированную мелодию, чтобы попадать в мотив. Люди собрались в, казалось бы, зрелищной атмосфере, танцовщицы пользовались этим, чтобы подзаработать денег.

Когда они двинулись вперед, количество магазинов, которые занимались продуктами питания, уменьшилось, освободив место для ряда уличных торговцев, которые продавали драгоценные камни и местные аксессуары. Гилберт услышал от сотрудника, который наслаждался его перерывом с самого первого дня, что магазины менялись с дневного на ночное время, но они оба не знали дневного ассортимента. Тем не менее, хотя количество людей не сильно отличалось, в отличие от прежней оживленности, эта часть района имела более безмятежный вид.

Похоже, что что-то особенно заинтересовало Вайолет, но, пойдя туда, ее ноги на мгновение остановились.

«Может быть, ты что ни будь хочешь?»

«Нет...» - возразила она, но ее глаза продолжали смотреть в том же направлении.

Гилберт взял ее за руку и потянул её присмотреться.

«Добро пожаловать». Добродушный пожилой лавочник вежливо приветствовал их.

Стеклянные коробки с драгоценностями лежали рядами над черным бархатным ковром на полу. Гилберт не мог сказать, являются ли они подлинными, но чувствовал, что работа, вложенная в них, была более продуманной и изящной, чем товары других продавцов. Вайолет внимательно осмотрела товары, и Гилберт вздрогнул, когда она посмотрела на него, словно пытаясь проделать в нем дыру.

«Что такое...?»

«Тут глаза Майора.» Вайолет указала на драгоценный камень. Ее тонкий белый палец вытянулся прямо к изумрудной броши.

Несомненно, это действительно напоминало таинственный цвет глаз Гилберта. Это был большой блестящий овал, расцветавший из-под стеклянной коробки прекрасней, чем другие драгоценности.

«Как... как это называется?»

В то время как Вайолет открыла рот и нахмурилась, словно не могла выговорить, лавочник предложил помощь «Изумруд».

«Не... название...»

«Если не это, то что вы имели в виду?»

«Когда я... увидела это... я подумала, какое слово подойдет для этого...»

«Так вот вы о чем». Продавец смеялся над ней. Это прекрасно, молодая леди.

С точки зрения продавца это выглядело забавно. Он был торговцем ювелирными изделиями. Это было слово, укоренившееся в его рутине. Тем не менее, Вайолет, которая была более достойна этого слова, чем кто-либо еще, почувствовала, как у нее открылись губы, когда она впервые произнесла термин, который она только что выучила.

«Прекрасно...»

«Что с вами? Вы не знали это слово?»

«Я не знала «прекрасно». Имеет ли он то же значение, что и симпатичный?»

«Правда? Я удивлен. Вы выглядите такой интеллигентной ...»

- Ах, как же стыдно.

Гилберт стоял ошеломленный между двумя. Его тело стало невыносимо горячим. Чувство было похоже на совершение ужасной ошибки холодный пот, учащенное сердцебиение и смущение жгут его внутренности.

Он был тем, кто научил ее говорить. В течение четырех лет, которые они прожили вместе, он обучил ее всему необходимому для повседневных разговоров. Это включало военный жаргон.

- Тем не менее, я...

Он не научил ее такому простому слову. Как только она научилась говорить, он полагал, что она будет постепенно узнавать другие слова. Он оценил ее по собственному развитию, хотя раньше она была маленькой девочкой, которая не могла сказать ничего, кроме «майора».

«Ты сирота войны?»

«Нет, но у меня нет родителей».

Она не знала ничего, кроме слова убить. Взяв ее и став ее опекуном, он привел ее только на поля битвы. Это был их первый раз, когда они отправились в поход по магазинам.

- Аах ... я рассуждал, какого это быть родителем, и все же ...

Он совсем не научил ее правильно разговаривать. Это было крайне смущающе.

- Думаю, я никогда не говорил ей прекрасна, хотя я могу сказать убить... хотя слово действительно ей соответствует...

Пока Гилберт глубоко сожалел, болтовня продолжалась.

«Как насчет грамоты? Ты умеешь писать?»

«Только свое имя...»

«Тот, кто тебя вырастил, некомпетентен. Даже я умею писать.»

«Хорошо ли уметь писать?»

«Вы сможете писать письма».

«Письма...?»

«Если вы живете далеко от своего родного города, вы должны хотя бы писать кому-нибудь».

«Зачем?»

Гилберт швырнул бумажник на стеклянную коробку, прерывая их разговор.

«Подождите, вы...так нельзя. Товары... »

«Я покупаю один... Вайолет, выбирай», - сказал он тихим голосом, словно злился.

Вайолет моргнула. «Это приказ?»

«Да, это ... выбери что-нибудь. Все хорошо.»

Правда была в том, что он не хотел называть это приказом. Однако он не думал, что она послушно выберет, если он скажет иначе.

Вайолет снова посмотрела на стеклянные коробки и, как и ожидалось, указала на изумрудную брошь. «Тогда, вот это»

Когда Гилберт оказал давление на продавца суровым выражением лица, тот просто улыбнулся и вручил брошь, говоря «Приходите снова в любое время». Поскольку брошь была дорогая, было очевидно, что, владелец магазина будет доволен.

Взяв брошь, Гилберт снова потянул Вайолет за руку и ушел. Улицы были заполнены людьми, пришедшими насладиться вечерним городом. В толпе эти двое, обычно всегда задававшие вопрос об их отношениях и существовании независимо от того, куда они шли, были лишь частью толпы.

Вайолет не привыкла к многолюдью, поэтому ее глаза бегали во все стороны, а ноги отставали. В процессе их руки отпустили друг друга, и оба оказались разделены. Именно тогда Гилберт наконец повернулся, чтобы посмотреть на Вайолет. Ее золотистые волосы были скрыты в массе тел.

«Майор!»

Он слышал ее зов среди шума. Независимо от того, сколько людей было там или не было возможности увидеть ее, он ни за что не пропустил бы этот голос. С тех самых пор, как она впервые произнесла майор, ее мелодичный тембр, похожий на колокольчик, был выгравирован в его ушах. Он поспешил отойти на несколько шагов от дороги, по которой они пришли.

«Вайолет...»

Вайолет смотрела на взволнованного Гилберта со спокойным выражением лица, хотя он тяжело дышал. Казалось, то, что она заблудилась, несколько ее не нервировало.

«Майор. Что мне теперь с этим делать, раз оно у меня есть?» Она показала ему брошь, которую она твердо держала все это время.

«Застегни её куда-нибудь, где тебе нравится».

«Тогда я её потеряю.».

Гилберт вздохнул. «В битве, да. Но ты можешь просто носить его по выходным. Хотя, раз у тебя голубые глаза, возможно, было бы лучше купить что-нибудь еще и голубое.

Вайолет покачала головой в последнем предложении. «Нет, эта была самой «прекрасной», - сказала она, вставляя иглу броши в одежду, - она того же цвета, что и глаза майора».

Ее голос бы чистым. У Гилберта перехватило дыхание на секунду от слов, сказанных ее сладким тоном.

- Почему... ты... говоришь, что мои глаза прекрасны...?

Несмотря на то, что она была девочкой, которая действовала так, словно у нее не было сердца, она поклонялась человеку, который воспитал ее, не научив ее даже выражать эмоции.

- Я ... недостоин ... слышать такие слова.

Не зная, о чем думал Гилберт, Вайолет продолжала «Я всегда... думала, что они «прекрасны». Но я не знала этого слова, поэтому я никогда этого не говорила. Как будто она не могла точно надеть брошь, она постоянно толкала иглу. «Но глаза Майора с момента нашей встречи были прекрасны».

Глаза Гилберта затуманились от этих слов. Это длилось всего мгновение. Его глаза вскоре снова ясно видели мир, когда он оттолкнул то, что горело в нем.

—Сотри свои чувства. Нельзя чтобы тебя видели с таким лицом.

Подавление его чувств и удовольствий окупалось. От солдата требовалось именно это.

«Позволь мне...» он взял брошь из ее руки и надел на нее.

Вайолет опустила взгляд на мерцающий драгоценный камень на воротнике.

«Майор, большое спасибо». Ее голос стал немного тише. Большое спасибо.

Когда она стала это повторять, ему стало неудобно и он чувствовал, как горит в груди.

—Я не могу... ей ответить. У меня нет на это права.

Он подумал о том, какое облегчение испытало бы его сердце, если бы он искренне облек свои мысли в слова. Вина, сожаление, горечь, разочарование, гнев, печаль. Каша чувств, смешанных в его голове, вот-вот переполнится.

<http://tl.rulate.ru/book/4767/571545>